

DOI 10.15826/izv2.2022.24.4.074

УДК 82.02 + 82-95 + 303.62 + 821.161.1-1(470.5)

Е. А. СелютинаЧелябинский государственный
институт культуры
Челябинск, Россия

ПРОБЛЕМА САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ («НАРРАТИВ ОБ АВТОРЕ» В ИНТЕРВЬЮ Е. СИМОНОВОЙ)

В статье исследуется частный вариант нарратива личных историй — «нарратив об авторе», который показателен для анализа рефлексии писателей над их ролью в современной русскоязычной литературе. Цель анализа — определить специфику «нарратива об авторе», показать, что он формируется в публичном дискурсе и обусловлен существованием нарративной рамки (вопрос-ответной формы интервью, которая демонстрирует общественные ожидания от творца). Публичная саморефлексия фиксирует процесс самоидентификации и моделирование мифа о словесном творчестве в новейшее время. Событие «нарратива об авторе» — важное изменение, после которого он смог определить себя как писателя (наименовать себя). В исследовании «нарратива об авторе» применялись методы классической и постклассической нарратологии, а также персонологической и нарративной психологии. В ходе работы удалось выявить, что «нарратив об авторе» находится в пограничной позиции по отношению к фикциональности, нарратор нетривиален, находится одновременно внутри события и вне его, соединяя личное отношение с социальными, культурными и иными конвенциями, принятыми по поводу авторства. «Нарратив об авторе» был рассмотрен на примере интервью уральской поэтессы Е. Симоновой. Эмпирическая база исследования — интервью, данные ею с 2019 по 2022 г. Екатерина Симонова создает в интервью образ-тип «маленького поэта», это социально-психологический конструкт, созданный под влиянием изменения символического статуса поэзии в новое время, компонентами которого являются неисключительность и вписанность в повседневность. Внутри наррации в пределах одной ответной реплики мы видим формулирование позиции, а в комментариях, данных в скобках, ее ироническое обыгрывание. В результате можно сделать вывод, что в интервью Е. Симоновой складывается миф о писателе как о «повседневном», обыкновенном человеке, который построен на стратегии иронической искренности и непротиворечив художественному нарративу ее поэзии в целом.

Ключевые слова: нарратив; «нарратив об авторе»; событие; фикциональность; Е. Симонова; уральская поэзия

Цитирование: Селютина Е. А. Проблема самопрезентации в современном литературном процессе («Нарратив об авторе» в интервью Е. Симоновой) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 219–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.074>

Поступила в редакцию: 10.02.2022

Принята к печати: 21.10.2022

Elena A. Selyutina*Chelyabinsk State Institute of Culture
Chelyabinsk, Russia*

**THE PROBLEM OF SELF-PRESENTATION
IN THE MODERN LITERARY PROCESS
("NARRATIVE ABOUT THE AUTHOR"
IN E. SIMONOVA'S INTERVIEWS)**

This article explores a particular version of the narrative of personal stories, i.e., the "narrative about the author", which is indicative for the analysis of writers' reflection on their role in modern Russian-language literature. The article aims to determine the specifics of the "narrative about the author", show that it is formed in public discourse and conditioned by the existence of a narrative framework (a question-and-answer form of an interview that demonstrates public expectations from the creator). Public self-reflection captures the process of self-identification and modeling of the myth of verbal creative work in modern times. The event of the "narrative about the author" is an important change, after which they were able to define themselves as a writer (to name themselves). The author uses methods of classical and postclassical narratology, as well as personological and narrative psychology in the study of the "narrative about the author". The study reveals that the "narrative about the author" occupies a borderline position with respect to fictionality, the narrator is non-trivial, they are both inside the event and outside it, combining personal attitude with social, cultural, and other conventions adopted about authorship. The article considers the "narrative about the author" with reference to an interview with the Ural poet E. Simonova. The empirical basis of the study is the interviews she gave from 2019 to 2022. In her interviews, Ekaterina Simonova creates an image of a "little poet", a socio-psychological construct created under the influence of changes in the symbolic status of poetry in modern times, whose components are non-exclusivity and inclusion into everyday life. Within the narrative and within the limits of one response, one sees the formulation of a position, and in the comments given in parentheses, its ironic interpretation. As a result, the author concludes that in the interview with E. Simonova, a myth develops about the writer as an "everyday", ordinary person who is built on a strategy of ironic sincerity, which is consistent with the artistic narrative of her poetry.

Key words: narrative; "narrative about the author"; event; fiction; E. Simonova; Ural poetry

For citation: Selyutina, E. A. (2022). Problema samoprezentatsii v sovremennom literaturnom protsesse ("Narrativ ob avtore" v interv'iu E. Simonovoi) [The Problem of Self-Presentation in the Modern Literary Process ("Narrative about the Author" in E. Simonova's Interviews)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 219–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.074>

Submitted: 10.02.2022

Accepted: 21.10.2022

Введение

Современная литература связана с большим количеством изменений в области коммуникации автора, читателя и текста. Писатель в начале XXI в. оказался в уникальной ситуации прямого выхода к читателю через соцсети, трансляции выступлений на различных творческих площадках в сети Интернет и т. п., что привело к новому осмыслению автора как субъекта творчества. Десакрализация творца, которая произошла в результате приближения автора к различного типа публикам, обеспечила интерес к личности писателя (человека); изменившаяся практика чтения привела к уходу потребителя текста от внимательного его прочтения к осведомленности о тексте как таковом (чтение анонсов, рецензий, микроблогов, но не самого литературного произведения; «подписки» на авторов в соцсетях, дающие читателю чувство сопричастности к тайнам создания художественной словесности). Все эти процессы привели к тому, что в новейшей философии называется «нулевой идентичностью» [Гуревич, Спирина, с. 15]: авторы вынуждены интенсивно переосмысливать себя, причем должны делать это публично, в связи с чем жанр интервью пережил реновацию, оказавшись, на наш взгляд, удобной формой для «выписывания» («изъять себя из всех определений» [Там же]) и «вписывания» себя в новые социально-экономические и культурные условия. Автор оказался в ситуации публичной саморефлексии, автокомментирования, т. е. формирования метатекста — текста второго порядка о своем творчестве, о себе самом, стал самоинтерпретатором, получил возможность влиять на читательскую рецепцию. Писательский нарратив, «нарратив об авторе», мы будем понимать как высказывание, определяющее, идентифицирующее творца как писателя.

Статья исследует «нарратив об авторе» в интервью современного поэта Е. Симоновой, в которых она манифестирует принципы своего творчества и его интенции. Эмпирическая база исследования — интервью, данные поэтессой с 2019 по 2022 г. (начиная с премиального сезона 2019 г., когда она получила престижную премию «Поэзия» (номинация «Стихотворение года»), вошла в шорт-лист премии Андрея Белого), а также записи публичных дискуссий в форме интервью, выложенные на YouTube («Твоими словами», ЧОУНБ 19.03.21).

Методы исследования

В определении нарратива мы опираемся на работы по нарративной и персонологической психологии (нарратив исследован в аспекте личной идентификации в работах Л. Выготского [Выготский], Дж. Брунера [Брунер], Д. Макадамса [Макадамс]), классической нарратологии (в частности, обосновывающие понятие «событие» — В. И. Тюпа [Тюпа], В. Шмид [Шмид], структуре нарратива — У. Лабов, Дж. Валетски [Labov, Waletzky]) и постклассической, связанной с когнитивными исследованиями, применимыми не только к области художественных нарративов (в основном эпического рода), но и к публицистике [Брокмейер, Харре, 2000; Bamberg]. В связи широким употреблением

термина «нарратив» в различных сферах гуманитаристики (см., например, работы о «нарративизации пространства» [Власова], соотношении личного и исторического в нарративе [Сатовская; Силантьев, Созина]), уточняем наше понимание «нарратива об авторе».

Основное содержание нарратива — анализ «событийного» момента о первоначальной интенции писателя. В нарративе об авторе событие — это признание творческой активности как особенности жизнедеятельности, и в силу специфики персоны оно формирует варианты нарратива. В «нарративе об авторе» мы анализируем его структурно-семантический и коммуникативный аспект (интенции моделирования нарратива, его композиционную структуру, особенности конструирования образа нарратора).

Обсуждение

«Нарратив об авторе» является частным случаем большой группы нарративов, которые Дж. Брунер называл «автобиографическими» [Брунер, с. 10], а У. Лабов «нарративом личного опыта» [Labov, Waletzky, p. 14]. Структурно нарратив об авторе соотносим с общими признаками нарратива повседневных историй (Лабов и Валетски выделили пять частей нарратива), но в смысловом плане он серьезно отличается, будучи обусловленным спецификой интервью как жанра, в котором «нарратив об авторе» оформляется.

«Нарратив об авторе» не может быть полностью соотнесен с автобиографическим повествованием. Обосновывая нарратив «жизни» как столкновение «канона» и «обстоятельств», Дж. Брунер говорит о комбинаторном характере нарратива о самом себе. «Нарратив об авторе», исследуемый нами, также зависит от канона — автор суть не обычный человек. Но эта зависимость в большей степени проявляется как реакция на вопрос. И интервьюер, и интервьюируемый понимают, что ситуация вопрошания делает автора в диалоге лишь условно свободным. Автор в ситуации интервью перемещается по ценностному полю культуры. Механизм, который означает автора в иной ценностной системе координат, в общем виде был описан еще Ю. М. Лотманом в работах о моделях коммуникации в культуре [см.: Лотман, 2004а; 2004б]. В его теории передача информации от «Я» к «Я» (в отличие от взаимодействия «Я» — «Он») может выполнять не мнемоническую функцию, а культурную, так как, например, напечатанный текст для поэта не равен рукописи, хотя текст в ней тот же: ранг сообщения повышен, потому что переведен в систему графических знаков, обладающих другой степенью авторитетности в данной культуре [Лотман, 2004а, с. 165]. Интервью также переводит автора в иную ценностную плоскость. Речь идет не только о публичности как таковой, и не о том, что автор выделен кем-то, кто является заказчиком интервью и введен в круг социально-маркированных и значимых персон, а о механизме работы современной культуры в целом, ориентированной, в том числе, и на постоянное обновление информации о самом себе. Именно поэтому некоторые авторы издают книги собственных интервью

или интеракций с читателями, собирая воедино разновременные высказывания, как, например, сделал писатель А. Иванов [2020], или много лет пополняют информацию на персональных сайтах (как, например, О. Седакова [Седакова]).

По словам В. И. Тюпы, нарратив — это диалог «содержания нарратива» и «события наррации» [Тюпа]. В. Шмид, вслед за Ю. М. Лотманом, сформулировал важную особенность нарратива, связанную с пониманием события: «событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира» [Шмид, с. 11]. Событие «нарратива об авторе» — релевантное изменение в мире автора, после которого он смог определить себя как писателя (наименовать себя).

Интервью для формулирования «нарратива об авторе» имеет важное значение, на наш взгляд, не менее важное, чем манифестация принципов в монологическом ключе, которую дают публикации в сборниках, подобных, например, книге «Как мы пишем» [Как мы пишем...] или даже в виде формы «поста» в любой из социальных сетей, которые, хоть и интерактивны, но их наполнение редко является «большим разговором» (хотя метатекстуальный характер комментариев к постам заслуживает отдельного изучения в контексте общего осмысления положения автора в современном литературном процессе). Такие книги-проекты дают панорамное представление о специфике рефлексии современных авторов, некоторых типологических разновидностях их суждений об авторстве как литературном и культурном феномене. Но интервью за счет быстрого отклика на изменение статуса автора (вручение премии, публикация новой книги и т. п.), а также за счет особой вопрос-ответной формы позволяет проследить за рекуррентными (повторяемыми) событиями внутри наррации, а также увидеть в какой нарративной рамке оказывается говорящий: интервью демонстрирует не только наррацию писателя, но и проективные ожидания общества, которые выстроены как вопрос-побуждение. Кроме того, интервью демонстрирует иной интенциональный ракурс: говорение автора о самом себе в данном случае является ответом, реакцией на запрос от его представителя, которому социум делегировал полномочия задавать рамку разговора. Ценность высказывания в таком случае для самого говорящего субъекта, на наш взгляд, повышается. Поэтому анализ вопрошающего субъекта в данном контексте также важен.

Анализируя «нарратив об авторе», образующийся внутри жанра интервью, необходимо понимать его синтетический характер. С одной стороны, мы воспринимаем наррацию интервьюируемого как нечто достоверное, что заложено в самой специфике публицистического текста, с другой — мы должны принимать во внимание, что ситуация самоосмысления сложного феномена авторства помещает говорящего в ситуацию конструирования мифа о самом себе. Проблема достоверности соотносит наррацию внутри интервью с теорией исторического нарратива: по словам И. В. Силантьева и Е. К. Созиной, «событийное осмысление и оценка факта, и без того нагруженного содержанием определенной точки

зрения, может сопровождаться в историческом нарративе домыслом и примыслом — но не вымыслом как таковым», так как иначе история стала бы частью фикциональности» [Силантьев, Созина, с. 59]. Именно поэтому исследователи предлагают вывести проблему «верификации» за пределы изучения автобиографических нарративов, так как они принципиально «индетерминированны» [Там же].

Но при этом специфика личности говорящего — нетривиального субъекта, чья нетривиальность и вызвала факт говорения, — влияет на качество наррации, которое в нарратологии принято называть «точкой зрения» [Шмид, с. 62], так как нарратор находится одновременно внутри события и вне его, соединяя личное отношение с социальными, культурными и иными конвенциями, принятыми по поводу авторства. Неслучайно исследователи полагают, что до собственно рассказывания нарратив должен пройти фазу внутреннего развития, стать внутренним нарративом [Силантьев, Созина, с. 59]. Факт осознания себя как автора, формулирование цели письма и принципов творческой стратегии, оценка картины мира собственных текстов — это то, что видится автору принципиально значимым, фатальным, судьбоносным. Поэтому нарратив об авторе включает в себя как личностнозначимые, так и сверх-личные события, конструирующие общее ценностное поле данного нарратива.

Дж. Брунер в работе «Жизнь как нарратив» приводил слова Генри Джеймса в качестве примера разницы между логическим мышлением и мышлением в форме истории: «Истории случаются с людьми, которые знают, как их рассказывать» [Брунер, с. 9]. Если применить данный тезис к исследуемому нами актору литературного процесса, можно утверждать, что конструирование нарратива о миссии автора у Е. Симоновой основано на вымысливании истории из повседневности. Мы полагаем, что в интервью Е. Симоновой складывается миф о писателе как о «повседневном», обыкновенном человеке, который построен на стратегии иронической искренности.

Е. Симонова — уральский поэт, которого ранее относили к нижнетагильской школе внутри уральского поэтического дискурса [Давыдов; Подлубнова], а сейчас чаще рассматривают внутри «гендерного взрыва» (феминистическое письмо) [Kukulin] и фемконтекстов современной поэзии [Бобылёва, Подлубнова]. Симонова интересует нас в силу своего длительного присутствия на литературной сцене, так как ее имя встречается в критических и литературоведческих статьях начиная с 2000-х гг. [см., например: Давыдов], в 2004 г. вышел ее первый сборник стихов, хотя и до этого она становилась участником различных сборников и антологий («Современная уральская поэзия: 1997–2003», «Братская колыбель», «Ле Лю Ли»), публиковалась в журналах «Урал», «Воздух», т. е. ее литературная известность (в рамках уральской литературы) совпадает с границами нового века, когда изменился сам подход к авторству и его презентации. Но интервью с ней в широком публичном не внутрицеховом пространстве — явление новое. Сейчас Екатерина Симонова курирует екатеринбургские поэтические чтения «Стихи о», поэтическую серию «InВерсия»; она технический координатор

Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион». Оговоримся, что в отличие от интервью писателей, дающихся по поводу, например, вручения премии «Большая книга», количество интервью Симоновой невелико, поэтому рекуррентность позиций «нарратива об авторе» будет ниже, чем, например, в интервью А. Иванова; мы также не можем сделать вывод о динамике формально-содержательных особенностей нарратива (первичная рефлексия над собственным творчеством в ситуации литературного дебюта и вторичная, которая происходит при изменении статуса автора как субъекта литературного процесса), но определенные выводы об индивидуальном характере «нарратива об авторе» в интервью мы сделать можем, так как они отличаются последовательностью в выборе механизма конструирования наррации. Кроме того, мы должны учитывать, что перед нами автор, имеющий филологическое образование, а значит, можно предположить, что поэт широко осведомлен о принятых конвенциях относительно роли автора в литературе, его самопрезентация имеет выраженный игровой характер. Наконец, нами анализировались классические интервью, где взаимодействуют два субъекта (интервьюер и интервьюируемый), направленные на максимально широкий и разнообразный круг воспринимающих субъектов (адресованы не специалистам). В анализируемом материале важен момент концентрированности вокруг события (например, вручения премии).

Событие в нарративе, по словам В. Шмида, содержит в себе нетривиальные изменения. Здесь ученый опирается на труды Ю. М. Лотмана, который полагал, что «событие мыслится как то, что произошло, хотя могло и не произойти» [Лотман, 1998, с. 285]. Парадокс самопрезентации Е. Симоновой в том, что она формулирует изменение своего жизненного статуса именно как «тривиальное», совершенно обыденное и случайное событие (см., например, как поэтесса рассказывает о студии Е. Туренко в разных интервью). Обыденным, а не судьбоносным она представляет и поиск творческой стратегии: «Что-то писать я начала лет в 19–20 — какой-то смех на палочке и слаще некуда — про прелестных фей, не менее прелестных эльфов, бессмертие и нежные лепестки на прозрачной воде. До сих пор люблю, когда ну очень красиво. Это точно была не силлабо-тоника, а белый стих. Потом переучилась. Потом переучилась обратно. Привычная скучная история творческих поисков каждого пишущего» [Бобылёва, Подлубнова].

С одной стороны, парадоксом стало вхождение в литературу для самой поэтессы (Симоновой), с другой — очевиден отказ от маркирования этого события как случая не «доксы» (ожидания, В. Шмид). Можно понимать событийность в «нарративе об авторе» у поэтессы как вариант переосмысления формалистского «остранения» (см. обоснование приема в трудах В. Шкловского [Шкловский]). В этом смысле миссия Симоновой есть остранение, разрушающее автоматизм восприятия повседневности. Происходит демифологизация образа автора не от мира сего и мифологизация авторской миссии как «поэтизации прозы жизни»: «неназойливое постоянство», «тепло сиюминутности», «радость кратковременности» [Горалик].

Нарративная рамка, в которую помещена поэтесса, в интервью включает три повторяющихся вопроса (при разнице формулировок, смысл их сохраняется): родовая специфика творческой стратегии, миссия современного поэта и специфика номинации себя в актуальных социокультурных реалиях (поэт, поэтка, поэтесса). Сложность вопросов обусловлена спецификой интервьюеров: так, например, самые развернутое интервью Симонова дала Л. Горалик и Г. Рымбу, для которых разговор о творчестве не случаен.

Стратегия самопрезентации Симоновой строится на оппозиции с обыденными, стереотипными представлениями об авторе у большинства, не включенного в область чтения современной литературы: «Мне кажется, да, существует некий образ поэта — человека с горящими глазами, развевающимися кудрями, витающего в облаках» [Боженко]. То есть с тем образом, который сформировался еще в романтической эстетике, а позднее пережил реновацию в культуре Серебряного века, был переосмыслен в советском литературном андеграунде (Лианозовская группа, О. Григорьев и др.), в поэтике постмодерна (Д. Пригов, Т. Кибиров и др.). Поэт в представлении Симоновой — максимально приближен к реальной, «маленькой» жизни, что соответствует нарративу ее поэзии в целом (многие исследователи относят метод Симоновой к области *docupoetry*), хотя мы должны оговориться, что ресурс документального в ее поэзии — это, прежде всего, частная жизнь самого создателя поэзии. Здесь нарратив об авторе Симоновой встраивается в поле жарких дискуссий о границах документальной поэзии в современной литературе и ее родовой специфике. По мнению И. Кукулина, *docupoetry* работает «в двух различных регистрах — эстетическом и социальном (или историко-антропологическом)» [Kukulín, p. 586]. Документальная цель поэта Симоновой — выстраивание образа поэта как производного от обыденной жизни: «Поэзия должна быть разной. Главное, чтобы самому автору было в своем тексте / своей поэтике удобно, как на любимом продавленном диване, в любимых вытертых тапках и с любимой кружкой (в пошлейших вроде бы розочках) на столике рядом» [Кутенков]; «Все мы — разные, поэтому логично, что каждой из нас нужно от феминизма что-то свое, зачастую совсем не то, что нужно от феминизма женщине, сидящей рядом» [Рымбу, 2019a]. Автор говорит о важности вещного, детального мира как ресурса поэтических образов: «Я люблю вещи. Вещи лучше людей. Вещи не лгут, не смеются над тобой, не предадут. Если ты бережешь вещи, то они не оставляют тебя, в отличие от людей. Умирая, мы сами превращаемся в вещь. Вещи приносят успокоение. По крайней мере, мне. Вещи — это память. Вещи — это воплощение не только чего-то знакомого, но и чего-то неизведанного, о чём ты никогда не узнаешь. Но зато можешь коснуться вещи, которая — знает» [Горалик]. Но, с другой стороны, автор сохраняет границу, которая лежит между реальностью и фикциональностью поэзии, и эта граница важна. Поэтому, например, самоопределение себя как автора у Симоновой: «стихи придуманы, я — настоящая. Стихи ничего не чувствуют, а только кажутся чувствующими, мне же может быть по-настоящему больно, страшно, горько, тепло, хорошо, отвратительно и т. д. до бесконечности» [Там же].

Поэтому важный момент авторского нарратива о сущности собственного творчества — определение родовой принадлежности собственной поэзии: «сближение прозы с поэзией — гораздо веселее и интереснее, чем писать просто стихи» [Горалик]. Одна из отличительных черт интервью Симоновой — симметрия ее нарратива о себе внутритекстовым особенностям ее поэзии, которые отметил еще в рецензии 2008 г. Д. Давыдов. Он отметил, что «сама поэтика нижнетагильцев выстраивает не пространственный образный ряд, но систему внутригрупповых взаимоотношений, которая и является текстообразующей. Взаимоотсылки и взаимоупоминания часты у нижнетагильских поэтов» [Давыдов, с. 92]. Для поэта по-прежнему важно ощущать себя частью группы, в том числе и в силу культуртрегерской деятельности, целью которой является конструирование образа новой женской литературы.

Екатерина Симонова создает в интервью образ-тип «маленького поэта», это социально-психологический конструкт, явно созданный под влиянием изменения символического статуса поэзии в новое время. Но в отличие от «маленького человека» в литературе, где эпитет «маленький» демонстрировал «приниженность, соединенную с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью» [Манн, с. 207], образ «маленького поэта», напротив, ставит вопрос о рождении поэзии из вещного, обыденного мира, который автора окружает: «Второй год как полюбила носить броши — и почти каждое утро цепляю что-то на пиджачный лацкан, хотя с вечера, засыпая, обещала себе (как сейчас помню!) хоть один день обойтись без этих брошей. Что уж тут говорить про одно-единственное красивое слово?» [Горалик]. «Маленький» в «нарративе об авторе» Симоновой значит локальный (локализованный во времени и пространстве), тщательно оформленный, детализированный малый мир, наполненный только тем, что прошло проверку временем и жизнью: «Я маленький человек, который живёт своей маленькой жизнью. И у меня есть всё, что для этой жизни нужно: родители, дом, место работы, куда я каждый день прихожу и честно её выполняю, своя семья, коты... Мне нравится жить обыденной жизнью» [Боженко]; «Маленькое горе маленького человека, говорящего из маленькой точки на карте. Требуемое обязательного вывода, кажущегося со стороны необязательным, потому что маленькому человеку всегда нужен хоть какой-то вывод, хоть что-то, за что можно зацепиться, чтобы удержаться на месте. Ведь горе, как и любовь, — одно из самых банальных чувств» [Рымбу, 2019а]. Компонентами образа «маленького поэта» являются следующие позиции: обыденная, неисключительная жизнь; возможность высказаться в поэзии «без пафоса и накала» [Боженко]; этическая непротиворечивость таланта и поэта-человека («Талант — это то, что дается бесплатно, ты им либо пользуешься, либо нет. И какой бы выдающийся он ни был, он не оправдывает наше поведение, а наше поведение — это повседневная маленькая жизнь, которая для меня важнее») [Там же]; выход за рамки уральской идентичности (в контексте времени и пространства: для поэтессы несомненно важен диалог с традицией Серебряного века, см. апеллирование к фигуре М. Кузьмина в ряде интервью); ироническая самопрезентация.

«Нарратив об авторе» Е. Симоновой показывает удивительную стабильность, в том числе и в плане постоянного автокомментирования как приема. Внутри наррации в пределах одной ответной реплики мы видим формулирование позиции, а внутри в комментариях, данных в скобках, ее ироническое обыгрывание. Внутри реплики может создаваться диалог вокруг точности словоупотребления: «Времени приятна моя маниакальная им увлеченность, поэтому оно отвечает мне хоть и сдержанной, но симпатией (Елена Фёдоровна прочитала ответ на этот вопрос и посоветовала быть скромнее и заменить выражение “маниакальная увлеченность” на более приличное “постоянство”. Я в ответ вздохнула и сказала, что нужно писать правду)» [Горалик]; поэтесса представляет себя как «мещанскую девушку», «чудом выучившую» русский язык [Гартманн], «женщину приземленную» [Рымбу, 2019б], «женщину средних лет родом из глубинки» [Горалик], для которой стихи — это работа [Гартманн]; в скобки вынесена дискуссия с коллегами по поэтическому цеху и самопрезентация выстроена «*a contrario*»: «я просто сама по себе такая (вот этого качества я очень долго стеснялась, пока не поняла, что именно оно дает иллюзию полной безыскусности и той самой “беспрецедентной степени сближения читателя с автором”, поэтому грех не воспользоваться тем, что дает природа)» [Горалик]. Все это создает эффект игры, протечности образа поэта (от серьезного к ироническому): «Нет никаких внутренних запретов. В конце концов, все должно меняться, если оно живое. И даже мертвое продолжает меняться. Что уж тогда говорить о поэтике?» [Рымбу, 2019а]. Важно подчеркнуть, что природа творческой самопрезентации Е. Симоновой, несмотря на схожесть с игровой стратегией концептуалистов (как, например, пародийность поэзии Д. Пригова), имеет особенный характер. Принцип игры не означает, что самоосмысление поэтессы не может быть определено однозначно, напротив, в интервью Симонова прямо заявляет о своем письме как о феминистском («Несомненно, я занимаюсь феминистским письмом» [Там же]). И параллельно иронически обыгрывает позицию самоидентификации в контексте «спора о феминитивах»: «Считаю, это не то, из-за чего лично мне стоит ломать копыя или ссориться. В конце концов, женщина имеет право быть той, кем ей хочется: хоть поэтом, хоть поэтессой, хоть поэткой, и критерий ее правоты и оправданности использования профессионального термина есть только один — ее личное желание» [Рымбу, 2019б]. Но, определяя себя как фем-поэтессу, она идентифицирует себя прежде всего с индивидуальным «миром пронзительных мелочей», зависящим от «важной простоты», «естественного хода вещей»: «Это про внутреннее равновесие, про внутреннюю цельность и умение радоваться, про нежность, в конце концов» [Рымбу, 2019а]. Поэтому и в напряженных дискуссиях вокруг основных проблем «поэтики феминизма» у поэтессы позиция особая: признавая важность «социальных проблем», «травмоговорения», она видит в феминизме ресурс повседневного разнообразного индивидуального ощущения счастья («Для меня феминизм — это не столько про то, что все плохо, сколько про то, что “но есть и хорошие новости”» [Бобылёва, Подлубнова]).

Выводы

Жанр интервью является важным ресурсом для изучения публичной самоидентификации современных авторов, так как в ценностном плане он выделяет нарратора, перемещая его в круг социально-маркированных субъектов. Особый тип нетривиального нарратора (творец-литератор), находящегося в двойственной позиции по отношению к излагаемому (внутри и вне), создает специфическую разновидность автонарратива — «нарратив об авторе», в котором репрезентируется событие осознания авторства как неотменимой особенности собственной личности, т. е. релевантное изменение в мире автора, после которого он смог идентифицировать себя как писателя. Нарратив об авторе включает в себя как личностнозначимые, так и сверх-личные события, конструирующие общее ценностное поле данного нарратива. В зависимости от писателя, нарратив об авторе будет различаться векторами самоопределения. Так, в интервью Е. Симоновой формируется особый образ «маленького автора», чья миссия заключается в осмыслении тривиальных вещей как судьбоносных, что оформляется через тезис и ироническое автокомментирование. Сложность «нарратива об авторе» у поэтессы связана с бинарностью пафоса (ироническая серьезность), что является диалогом-спором с традициями и конвенциями, принятыми в обществе относительно «образа поэта» в целом. Анализ «событийного» момента о первоначальной интенции писателя в интервью Е. Симоновой показал, что поэтесса намеренно прозаизирует поэтическое озарение, поиск метода, творческой стратегии (обычное дело), поэтому событие наррации для нее — это проявление письма как жизненной необходимости, подобно еде или сну. Релевантным изменением для автора стало появление у нее особой оптики, позволяющей выделить детали повседневности и выстроить из них микрокосм вещей, презентовать которые в поэзии — неотъемлемое право поэта.

Источники

Боженко Р. Стихи о прелестях маленькой жизни. Как получить ящик шампанского за нытьё // Аргументы и факты. 10.02.2021. URL: https://ural.aif.ru/society/stihi_o_prelestyah_malenkoy_zhizni_kak_poluchit_yashchik_shampanskogo_za_nytyo (дата обращения: 16.01.2022).

Гартманн К. «Я просто пишу». Интервью с поэтессой Екатериной Симоновой // SlavicumPress: Laboratory of Slavic Studies. 15.01.2022. URL: <https://dlf.uzh.ch/sites/slavicumpress/2022/01/15/> (дата обращения: 16.01.2022).

Горалик Л. Екатерина Симонова: интервью // Воздух: журнал о поэзии. 2019. № 39. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-39> (дата обращения: 16.01.2022).

Иванов А. Быть Ивановым: пятнадцать лет диалога с читателем. М. : Альпина нон-фикшн, 2020.

Как мы пишем: Писатели о литературе, о времени, о себе : очерки / сост. А. Етоев, П. Крусанов. СПб. : АЗБУКА, 2018.

Кутенков Б. Екатерина Симонова: «Жить в настоящем всегда комфортнее всего» // Форма Слов : электронный журнал о поэзии. 15.02.2021. URL: <https://formasloff.ru/2021/02/15/ekaterina-simonova-zhit-v-nastojashhem-vseгда-komfortnee-vsego> (дата обращения: 16.01.2022).

Рымбу Г. Мир пронзительных мелочей // Год литературы. 20.11.2019а. URL: <https://godliterature.ru/articles/2019/11/20/mir-pronzitelnnykh-melochey> (дата обращения: 16.01.2022).

Рымбу Г. Поэт, поэтка, поэтецца? Феминитивы. Отвечают современницы. Ч. 1 // Год литературы. 13.03.2019б. URL: <https://godliterature.ru/articles/2019/03/13/opros-poyetessa-ili-poyet> (дата обращения: 16.01.2022).

Седакова О. Официальный сайт. URL: <https://www.olgasedakova.com> (дата обращения: 16.01.2022).

Исследования

Бобылёва М., Подлубнова Ю. Поэтика феминизма. М. : АСТ, 2021.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–29.

Власова Е. Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 175–188. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.033>

Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов н/Д : Феникс, 1998.

Гуревич П. С., Спирина Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.

Давыдов Д. К описанию феномена «Нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 91–96.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.

Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2004а. С. 163–177.

Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2004б. С. 666–668.

Макдамм Д. П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135–166.

Мани Ю. В. Маленький человек // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 207–208.

Подлубнова Ю. С. «Я — Тагил!»: практики самоопределения уральских поэтов 2000–2010-х гг. // «Вакансия поэта» в русской и зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков. Воронеж, 22–23 ноября 2019 г. : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А. А. Житенева. Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2019. С. 103–117.

Сатовская С. Н. «Чужие» нарративы в романе Г. Грасса «Мое столетие»: контекст исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 15, № 4 (120). С. 181–191.

Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.

Тюпа В. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск : НГУ, 2002. Вып. 5. С. 5–31.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983. С. 7–23.

Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2008.

Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity // Theory & Psychology. 2011. Vol. 21(1). P. 3–24.

Kukulin I. Documentalist Strategies in Contemporary Russian Poetry // Russian Review. 2010. № 69 (Oct.). P. 585–614.

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society / ed. by J. Helm. Seattle : Univ. of Washington Press, 1966. P. 12–44.

References

- Bamberg, M. (2011). Who am I? Narration and its Contribution to Self and Identity. *Theory & Psychology*, 21(1), 3–24.
- Bobylyova, M., & Podlubnova, Yu. (2021). *Poetika feminizma* [The Poetics of Feminism]. Moscow: AST.
- Brokmejer, J., & Harre, R. (2000). Narrativ: problemy i obeshchaniia odnoi al'ternativnoi paradigmy [Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm]. *Voprosy filosofii*, 3, 29–42.
- Bruner, J. (2005). Zhizn' kak narrativ [Life as a Narrative]. *Postneklassicheskaia psikhologiya*, 1(2), 9–29.
- Davydov, D. M. (2008). K opisaniiu fenomena “Nizhnetagil'skogo poeticheskogo renessansa” [On the Description of the “Nizhny Tagil Poetic Renaissance” Phenomenon]. In *Literatura Urala: istoriia i sovremennost'* (Iss. 4, pp. 91–96). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Gurevich, P. S., & Spirova, Je. M. (2015). *Identichnost' kak sotsial'nyi i antropologicheskii fenomen* [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiia» Publ.
- Kukulin, I. (2010, October). Documentalist Strategies in Contemporary Russian Poetry. *Russian Review*, 69, 585–614.
- Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In J. Helm (Ed.), *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). Seattle: University of Washington Press.
- Lotman, Yu. M. (1998). Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of a Literary Text]. In Yu. M. Lotman, *Ob iskusstve* [About Art] (pp. 14–285). St Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Lotman, Yu. M. (2004a). Avtokommunikatsiia: “Ia” i “Drugoi” kak adresaty (O dvukh modeliakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: “I” and “The Other” as Addressees (About Two Models of Communication in the Cultural System)]. In Yu. M. Lotman, *Semiosfera* [Semiosphere] (pp. 163–177). St Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Lotman, Yu. M. (2004b). O dvukh modeliakh kommunikatsii i ikh sootnoshenii v obshchei sisteme kul'tury [About Two Models of Communication and Their Correlation in the General System of Culture]. In Yu. M. Lotman, *Semiosfera* [Semiosphere] (pp. 666–668). St Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Mann, Yu. V. (1987). Malen'kii chelovek [Little Man]. In V. M. Kozhevnikov, & P. A. Nikolaev (Eds.), *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopaedic Dictionary] (pp. 207–208). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- McAdams, D. P. (2008). Psihologiya zhiznennykh istorij [The Psychology of Life Stories]. *Metodologiya i istoriia psikhologii*, 3(3), 135–166.
- Podlubnova, Yu. S. (2019). “Ia — Tagil!”: praktiki samoopredeleniia ural'skikh poetov 2000–2010-kh gg. [“I am Tagil!”: Self-Determination Practices of Ural Poets of the 2000s–2010s]. In A. A. Zhitenev (Ed.), *“Vakansiia poeta” v russkoi i zarubezhnoi literature rubezha XX–XXI vekov. Voronezh, 22–23 noiabria 2019 g.: materialy mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii* [“The Poet's Vacancy” in Russian and Foreign Literature at the Turn of the 21st Century. Voronezh, November 22–23, 2019: Proceedings of the International Scholarly Conference] (pp. 103–117). Voronezh: Voronezh Regional Printing House.
- Satovskaya, S. N. (2013). “Chuzhie” narrativy v romane G. Grassa “Moe stoletie”: kontekst istoricheskoi pamiati [“Alien” Narratives in *My Century* by G. Grass: The Context of Historical Memory]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 15, 4(120), 181–191.
- Shklovsky, V. B. (1983). Iskusstvo kak priem [Art as a Technique]. In V. B. Shklovsky, *O teorii prozy* [About the Theory of Prose] (pp. 7–23). Moscow: Sovetskii pisatel'.

Schmid, W. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Silantyev, I. V., & Sozina, E. K. (2013). Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoi prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [A Narrative in Literature and History. With Reference to A. Herzen's Diary Prose of the 1840s]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 3, 58–68.

Тура, В. (2002). Oчерк sovremennoi narratologii [An Essay on Modern Narratology]. In I. V. Silantyev (Ed.), *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics] (Iss. 5, pp. 5–31). Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Vlasova, E. G. (2021). Narrativizatsiia prostranstva v pervykh putevoditeliakh po Uralu [Space Narrativisation in the First Travel Guides around the Urals]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 175–188. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.033>

Vygotsky, L. S. (1998). *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-on-Don: Feniks.

Селютина Елена Александровна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник, доцент
кафедры литературы, русского
и иностранных языков
Челябинский государственный институт
культуры
454091, Челябинск, Орджоникидзе, 36А
E-mail: L22502@yandex.ru

Selyutina, Elena Aleksandrovna

PhD (Philology), Leading Researcher,
Associate Professor, Department of Literature,
Russian and Foreign Languages
Chelyabinsk State Institute of Culture
36A, Ordzhonikidze Str., 454091 Chelyabinsk,
Russia
Email: L22502@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>
WoS ResearcherID: T-2113-2017